

ПАРАЗИТАРНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР АУТОДЕСТРУКЦИЙ ПРАВОВЫХ КУЛЬТУР

Право призвано регулировать самые насущные запросы общества в целом и конкретных людей, оно изначально регулировало отношения собственности, власти и правопорядка. Собственность и её формы – главный параметр развития цивилизации и «сфера ответственности» права. Экономическое бытие права обусловлено общественно-производственной технологией, определяющей характер цивилизации. То, насколько интенсивен или экстенсивен характер общественно-производственной технологии, порождает общую ментальность цивилизации, основополагающие тренды правового и социально-политического развития. Так, традиционная земледельческая цивилизация, замкнутая в рамках очерченных границ, предполагала постоянный рост производства «на месте», т.е. перманентную интенсификацию, развитие вглубь. Земледельческая цивилизация, неограниченная пространством имела возможность развиваться и вглубь, и вширь. Номадические цивилизации предполагали постоянные кочевья, развиваться вширь, экстенсивный характер развития. Для функционирования кочевого хозяйства требуется не более 20% мужского трудоспособного населения. Остальные могут быть заняты насильственным изъятием чужой собственности, захватом и эксплуатацией чужих территорий. Захватчики не только жёстко доминируют в политической, правовой и конфессиональной сферах, но и паразитируют в социально-экономической сфере, блокируют интенсификацию экономического развития, ибо игнорируют не только интересы собственников, но и сам феномен собственности. Военная агрессия стимулирует лишь узкий сегмент технологией, сопряжённый с войной.

Со временем алгоритм цивилизационного развития изменился, и прежние захватчики сами стали объектом территориальных притязаний и эксплуатации колониальных держав. Каждая из них использовала свой собственный метод колонизации, но в основе всё же лежал единый алго-

ритм – освоение колоний происходило пассионариями, которые в силу различных причин, оказались лишними и могли занять паразитарную нишу в своём отечестве. Так, освоение Испанией и Португалией Америки началось буквально сразу же после окончания Реконквисты, когда массы безземельных идалго грозили превратиться в неуправляемую орду. Направленная за океан эта сила решила одновременно две задачи: колонизовала огромные пространства и предотвратила в метрополиях риски аутодеструкций. Схожая, но нерешённая ситуация со шляхтой в Польше (шляхтичей было просто некуда направить) привела к печальным для страны последствиям. Шляхта паразитировала в экономике, расшатывала политическое устройство, выбила привилегии. Но польское государство рухнуло, его разделили соседние империи

В России частная собственность для большинства населения всегда была мифом, её отсутствие порождало безответственность за результаты своих действий. Семидесятилетний эксперимент по «искоренению» частной собственности усугубил эту ситуацию, сделал бессмысленным профессию юриста-цивилиста, продуцировал паразитарные настроения как в элитах, так у трудящихся. Нерешённые на протяжении многих веков отношения собственности порождают иллюзии некоторых слоёв общества на возможности получения материальных преференций за чужой счёт.

В целом в любой цивилизации существуют анклав делинквентной правовой субкультуры постоянно воспроизводящей паразитарную ментальность – это криминальные и субкриминальные слои населения, некоторые этнические и национальные сообщества (цыгане, отдельные группы афроамериканцев). Подобный образ жизни обусловлен, в первую очередь, длительными и противоречивыми этно-социальными и конфессиональными условиями их становления и существования, сложностями адаптации в правовом пространстве, принимаемым всем населением. В известной мере к этим анклавам можно отнести и последователей некоторых ультраорто-

доксальных направлений в различных религиозных конфессиях, чье поведение принимается основной массой адептов как хотя и нестандартное, но терпимое, а незначительное их количество приемлемым даже при условии нежелания исполнять гражданские обязанности и участвовать в экономической деятельности.

XX век породил, а XXI век усугубил сферы экономических отношений, в которых стала ярко проявляться паразитарная составляющая. Вторичные факторы экономического существования стали опережать реальную экономику, более того – приобрели ведущую роль. Ссудный капитал, банковская деятельность приобрели особый, невиданный прежде характер. В целом деятельность ростовщиков-банкиров никогда не вызывала восторга ни у рядовых обывателей, ни в реальном секторе экономики, но их постоянно увеличивающаяся власть, возможности управления бизнесом и способности делать деньги из денег вызывает серьезную озабоченность. Торговля, посреднические отношения, сфера услуг, приобретают всё большее значение, что, в целом закономерно и естественно. Но то, что торговля начинает управлять производством, а в сфере услуг значительные сегменты захватывают псевдоуслуги свидетельствует о паразитарных тенденциях и в этом направлении. Для большого бизнеса, обретающегося в банковской сфере или под его контролем экономическая целесообразность соотносится с законодательством только в той мере, в какой это выгодно. Влияние на власть позволяет и коррелировать это законодательство в соответствии с его интересами. «Большинство экономических решений принимаются без прямого влияния законов. Право – это совокупность ограничений устанавливающих рамки, в которых люди могут преследовать свои интересы. Они принимают одни решения и уклоняются от других, потому что знают, что законно, а что нет. Пока не станут известны важнейшие

особенности правовой структуры общества, все наши попытки предсказать экономическое поведение его членов обречены на неудачу»¹.

В XXI в. большая политика становится в той же мере бизнесом, в какой большой бизнес начинает руководить политикой. Как только это происходит, паразитарные тенденции становятся главенствующими, начинают душировать бизнес и заставлять принимать порочные политические решения.

Современная «Большая Европа», включившая в себя не только высокоразвитые страны со сложившейся эффективной экономикой, стабильными демократическими политическими режимами, но и страны бывшего «восточного блока», которые только в умах их политических элит освободились от «советского наследия». На самом деле, и способы политического управления, и значимость права, и реальный уровень коррупции, а главное, ментальность остались прежними – ведь не секрет, что ведущий тренд поведения политического истеблишмента, как прибалтийских советских республик, так и стран «восточного блока» состоял в том, чтобы ни в чём не уступать московскому руководству. Сегодня наследники такой политической конфигурации стремятся быть не только строже руководителей западной политики, но и войти в их число. Этим и объясняется огромное число евробюрократов из Восточной Европы – их зарплаты во много раз превышают те, на которые они могли претендовать, даже занимая ключевые посты в своих странах.

Крупнейшей ошибкой Запада стала миграционная политика. Запад долго шёл к своему комфорту и благосостоянию. Высокие доходы населения были завоёваны в результате напряжённой борьбы рабочего класса за свои права и проводимой вменяемой социальной политики, уровень образования и медицинского обеспечения был достигнут вследствие того, что западное государство реально стало социальным. Желание посадить себе

¹ Бетелл Т. Собственность и процветание / Том Бетелл; пер. с англ. Б Пинскера. – М.: РИСЭН, 2008. – С. 43.

на шею миллионы людей, с чуждой Западу политической и религиозной культурой, полным отсутствием трудовой этики было контрпродуктивным. Новые мигранты, в отличие от тех, которых принимал Запад в середине XX в. не испытывают ни желания трудиться, ни принимать ценности западного мира, ни стремления абсорбироваться в западную культуру, ни соблюдать законы. Они становятся новым паразитарным анклавом криминального мира, многие из них являются убеждёнными террористами и принципиальными врагами демократических завоеваний.